

АКТУАЛЬНАЯ НОСТАЛЬГИЯ

А еще говорят, что нет мистики. Однажды утром я включил компьютер и вдруг твердо решил: хватит тянуть, пора, наконец, написать о том, как однажды попытался написать книжку о Броневом. Тема вполне для "Ностальгии", и поводов особых для нее не нужно. Поставив точку, я вышел на улицу и в первом же газетном киоске увидел огромный заголовок "Сегодня папаше Мюллеру 70 лет". Значит что-то сидело в подсознании и включилось именно в этот день. Для своевременной публикации поздравов, но лучше поздно, чем никогда.

15 лет назад по протекции покойного Димы Шацилло, заведовавшего киноредакцией, издательство "Искусство" заключило со мной договор не больше не меньше, как на книжку о Леониде Броневом. Со стороны Димы это был откровенный блат, поскольку он готовил к изданию мемуары моего отца (совершенно официально и тоже по договору литературно написанные мною); со стороны издательства это был очевидный и подтвердившийся риск, а с моей — откровенная наглость. Поскольку я очень быстро понял, что более того, что было написано в 4 страничках заявки, мне сказать нечего.

Лучше поздно, чем никогда

То, что я млею при виде Броневского на сцене и просто сдвинулся после "Семнадцати мгновений", неудивительно. И то, что я увидел в этой, зафиксированной на пленке, а потому воспроизводимой работе, просто-таки учебное пособие по системе Станиславского, ничего удивительного нет. Но я в тот момент подзабыл хорошее наблюдение Андрея Вознесенского о том, что рецензентом движет подсознательное желание цитировать. А потому загнал сам себя в тупик. Пересказывать по кадрам каждое движение, интонационно занятие бессмысленное и бесперспективное. Или, во всяком случае, требующее того профессионализма, которого у меня не было, нет и не будет.

Недостаток опыта, знаний и умений в таких случаях не оправдание, а, стало быть, быстро обнаружившиеся ограничения цензурно-идеологического характера можно не принимать во внимание.

Но коль скоро моя наполеоновская затея тогда не удалась, то сегодня можно попытаться понять, а почему она не удалась, вспомнить то, что было, судя по всему удачным и, наконец, воспользоваться случаем и по принципу "лучше поздно, чем никогда" засвидетельствовать-таки свою неугасшую любовь к артисту.

Момент, действительно, оказался, как сейчас каждому понятно, специфическим. Морозная зима сезона 1984-85 годов. Я работаю педагогом-организатором в РЭУ, и мой рабочий день начинается примерно с 15-16 часов и продолжается до глубокого вечера, то есть в то время, когда я должен был мешать детям предаваться порочному досугу. Главным занятием, по сезону, была организация хоккейных турниров. О вечерних спектаклях можно было забыть (хотя то, что мне было нужно, я посмотрел), но зато полный простор утром, когда я смог проследить почти от самого начала почти до самого конца работу над спектаклем "Солдатами не рождаются", который ставил к 50-летию Победы тогдашний Главный на Бронной Евгений Лазарев.

Чуть ли не каждый день я аккуратно являлся в театр, и либо в зале, либо в репетиционной комнате строчил в блокнот, что твой Горчаков за Станиславским и Вахтанговым. Вкупе с отдельными беседами с Леонидом Сергеевичем все это постепенно загоняло меня в

полный ступор. Во-первых, я просто физически ощущал, как вырастает непроходимая пропасть между мной и теми, кого я "считал за образцы", а их список был пугающе длинен: Кугель, Дорошевич, Евреинов, Марков, Бояджиев, Аникст. Из тех, кого можно назвать современниками: Вишневская, Крымова, Свободин, Швыдкой и даже молодой Сережа Никулин, в редакцию которого переключалась моя заявка. Я догадывался, что они сумели бы найти выход из ситуации (как та же Вишневская, которая виртуозно сделала из книги о Лукино Висконти памфлет против соцреализма).

Во-вторых, меня все меньше интересовала "работа актера над собой", а все больше сложная система взаимоотношений, решительно превосходившая привычные фельетонные рамки устных и письменных театральных баек.

Было, конечно, забавно наблюдать, как Леонид Сергеевич не упускал случая тонко и беспощадно "уесть" Главного и постановщика, как он куда-то в пространство, какой-то неведомой аудитории сообщал свои мысли об Анатоллии Эфросе и мечты о работе с Марком Захаровым. (А гротос: сбилось, Леонид Сергеевич, и как теперь?).

Но мне, как всегда, было интересно другое. Во что превратился актер в режиссерском театре. Именно тогда, изучая послужной список Броневского (и, прежде всего, не сыгранные им роли), я "родил" самому себе понравившуюся фразу: "Актер платит судьбой за кризис режиссуры", и из которой в итоге получилась недавняя колонка "Театр для культа личностей". Но тогда о подобном тексте нельзя было и мечтать.

Так же, как нечего было и думать о том, чтобы описать то, что происходило на самом деле на репетициях. Когда все участники пытались осмыслить и симоньевский текст, и события; когда, каждый раз пугливо оглядываясь на меня, усердно заполнявшего страницу за страницей, Лазарев смело ссылался на Солженицына, Некрича и прочих. Равно как и ощущение того, что спектакль невытанцовывается, и причина здесь не в способностях постановщика и актеров, а в том, что времена еще не изменились, а роман и пьеса уже становились анахронизмом. А в наших "дзютах" Леонид Сергеевич все время соскальзывал на тему: "какой хороший человек Горбачев". В театр к ним ходил. И про бруньковского "Наполеона" сказал то же, что и он. Броневой, о нем думал, отказавшись в очередной раз от предложенной ему роли вождя.

Какая изюминка — если в театре, в котором служил Броневой, предполагалась постановка чего-то с участием какого-нибудь вождя, ее прежде всего предлагали именно ему. Он единственный актер, сыгравший и Ленина и Сталина, и только поэтому лишенный возможности сыграть Гитлера. И я до сих пор убежден, что, если бы Гитлера в "Мгновениях" сыграл Броневой, а Мюллера кто-нибудь другой, то последствия, в том числе и социальные, были бы неисчислимы. Коротко говоря, во-первых, не было бы такого успеха, во-вторых, не было бы анекдотов (а это, как и красота, страшная сила), и в третьих, фашизм не предстал бы перед нами в своем человеческом, а не сочиненном нашими идеологами псевдоинфернальном облике. Это был воистину "обыкновенный фашизм", "слишком человеческий" одновременно. Кроме Броневского, этого сделать не смог бы никто.

Вот и пойдешь порассуждай на эту тему тогдашней открытой печати, тем более, что тебя никто, кроме трех редакторов в издательстве, не знает.

И тут в самый разгар репетиций 13 марта в 13 часов, после 13 месяцев правления, был похоронен последний правящий коммунист Константин Черненко. Уже тогда и партия и ее государство могли бы вспомнить автоэпитафию Баркова: "Жил грешно, умираю смешно".

На освободившийся кремлевский трон сел, наконец, давно ожидавшийся Горбачев. А в мае, несмотря на демонстративные аплодисменты напрягшихся от ощущения неизвестности консерваторов при макиавеллистском реверансе генсека в адрес Сталина, спектакль по роману с уже явно устаревшей попыткой понять систему "ничего в оной не меняя" не состоялся ни как театральное, ни как общественное событие. До Тюзовской премьеры "Собачьего сердца", когда Леонид Сергеевич признался, что в таком спектакле готов просто постоять в углу сцены, оставалось ровно два года.

А меня на десять лет смело совсем в другую сторону. Изредка, оторвавшись от бизнес-планов, коммерческих предложений, бланков отчетности или протоколов дознаний, я вспоминал полутемный зал на Малой Бронной, натужный худсовет по поводу декораций, уютную квартирку в Калопином переулке и, в центре всех этих интересов, всегда элегантно-го Леонида Сергеевича. И мне становилось стыдно, что я обманул его такие оправданные и такие законные надежды на то, что я напишу о нем книжку.

Николай ЖУРАВЛЕВ

Экран и сцена - 1999 - январь (№2) - с. 7